

С. А. ЭКШТУТ

ПЕТР ПЕРЦОВ – ГЕРОЙ СНОСКИ

Опыт осмысления впервые опубликованных «Воспоминаний» П.Н. Перцова (2017), инженера путей сообщения, строителя железных дорог, общественного деятеля и коллекционера, инициатора строительства знаменитого «Дома Перцова», служат формальным поводом для размышлений о том, как следует писать Историю.

Ключевые слова: человек второго плана, история повседневности, история предпринимательства, социальная мобильность, градостроительство, мемуаристика

Есть имена, обычный удел которых светить отраженным светом фигур первого плана. Их даже людьми второго плана не назовешь. Не тот масштаб личности, не столь значительны карьерные или творческие достижения, проблематичен или не так заметен скромный вклад в Историю. Имена таких людей – пожива комментаторов, публикаторов архивных документов и биографов людей исполинского масштаба. Всех их объединяет одно. Они – герои сноски и персонажи развернутого примечания. Однажды линия жизни человека толпы пересеклась с судьбой великого человека, что спасло его имя от полного забвения и обеспечило место в справочном аппарате академических изданий, посвященных трудам и дням фигур первого плана.

Именно такой жребий выпал на долю семейства Перцовых: среди них есть и приятель Пушкина Эраст Петрович, и тайный корреспондент Герцена Константин Петрович, чьи имена хорошо ведомы специалистам. Их племянник, Петр Николаевич Перцов (1857–1937), известен не этим. В самом центре Москвы, напротив Храма Христа Спасителя, на углу Соймоновского проезда и Пречистенской набережной, стоит архитектурный шедевр московского модерна – «Дом Перцова», построенный в 1905–1907 гг. по идее Петра Николаевича и при его непосредственном участии¹. Инженер путей сообщения, строитель железных дорог, общественный деятель и коллекционер, неоднократно путешествовавший по Европе, захотел соединить стрельчатые мотивы западноевропейской готики с национальными традициями древнерусского зодчества – так возникло одно из самых знаменитых московских зданий, а Петр Николаевич избежал беспамятства потомства и закрепил за собой роль персонажа примечания.

¹ Инженер П.Н. Перцов купил участок, заказал проект и оплатил строительство доходного многоквартирного дома, однако официальной владелицей значилась супруга инженера Зинаида Алексеевна. Подрядная деятельность, которой занимался инженер, была сопряжена с большими финансовыми рисками, и он переписал участок и дом на имя жены. Поэтому иногда здание именуют «Домом Перцовой».

В 2017 г. были впервые опубликованы «Воспоминания» Перцова. Неожиданно выяснилось, что их автор перерос укоренившееся за ним амплу героя сноски и может претендовать на более значимую роль в Истории. Благодаря этим мемуарам вдумчивый читатель получил реальную возможность «отворить калитку в былое» и зримо представить себе жизнь и судьбу человека, которому довелось жить в эпоху перемен. Петр Николаевич родился за четыре года до отмены крепостного права, а окончил свой земной путь через двадцать лет после революции, в год, ставший скорбным символом Большого террора.

Отец мемуариста, казанский помещик Николай Петрович Перцов, настойчиво стремился, но так и не сумел приспособиться к новым экономическим реалиям пореформенной России. Чем он только не занимался! Сначала носил военный мундир, затем успешно служил в статской службе, но бросился в омут предпринимательской деятельности – и разорился, взяв на себя подрядные работы по постройке Ярославской железной дороги. Пытался хозяйствовать в родовом имении Хотня, что в 90 верстах от Казани. Открыл винокуренный завод, занялся выделкой древесного спирта и добычей селитры, но все эти начинания закончились неудачей. В это время преуспевали «чумазые», а дворянская «белая кость» даже не могла сохранить достояние отцов. Неудачи Николая Петровича были типичны. Отсутствие специальных знаний и излишняя доверчивость к компаньонам и посредникам – все эти неизбежные издержки дворянского воспитания предопределили крах его начинаний: «другие наживались, а дела и состояние отца из года в год всё более и более расстраивались»². Вероятно, именно по этой причине, среди воротил нарождающегося русского предпринимательства, таких как Рябушинские или Морозовы, не было ни одного дворянина. Родовое имение Перцовых пошло с молотка.

Петр Николаевич учел ошибки отца и его столь дорого оплаченный жизненный опыт. Окончив с серебряной медалью классическую гимназию, он поступил в Институт инженеров путей сообщения в Петербурге. Преподавание в этом учебном заведении совершенно не отвечало вызовам времени и совсем не давало практических навыков. Теоретические курсы отставали от жизни. Российская империя переживала настоящий железнодорожный бум, а Институт путей сообщения не считал нужным корректировать учебные планы. «Курс железных дорог был слабее всех остальных, а об устройстве, ремонте и содержании шоссейных и обыкновенных дорог упоминалось лишь вскользь. Водные сообщения также не были выдвинуты на первый план. По производству земляных и каменных работ не давалось почти никаких практических указаний, да и теория их, по-видимому, мало интересова-

² Перцов 2017. С. 16.

ла лекторов. ...Об экономических изысканиях не было и речи. По эксплуатации и отчетности не давалось никаких указаний. Такие существенные вопросы, как изучение условий движения грунта и борьба с ними, не составляли также предмета специального преподавания. Даже борьба со снежными заносами на дорогах столь обременительная для железнодорожного бюджета не была удостоена особым вниманием преподавания». На излете жизни Петр Николаевич сделал убийственный вывод о том, кого готовил институт. «Получалось впечатление, что инженеры готовились исключительно для департаментов министерства и для инспекции, а не для работ. Сколько у государства было бы сбережений и сколь прочнее были бы дороги, ежели бы преподавание инженерных наук в институте более отвечало действительной потребности страны в строителях-практиках»³.

Мемуаристу повезло. Его будущий тесть инженер-путеец Алексей Михайлович Повалишин по собственной инициативе предложил нескольким студентам, включая Перцова, пройти летнюю практику при строительстве Сызранского моста через Волгу. Практиканты жили в одной общей казарме и имели общий стол. Вставали они в 5 утра по гудку, после чего пароход развозил их по работам. В 12 часов тот же пароход забирал всех на обед, за которым следовал послеобеденный сон. В 2 часа пополудни работы возобновлялись и продолжались до 8 часов вечера. «И так изо дня в день всё лето. Сапоги и платье практикантов никогда не очищались от каменной и цементной пыли»⁴. Приобретенный практический опыт был бесценен. Перцов уяснил и обрел твердые ориентиры в быстро меняющемся мире. Отныне он мог судить о жизни не только по книгам, но на основе собственных впечатлений.

Окончив институт Петр Николаевич, повинувшись вековой традиции дворянского сословия, поступил на государственную службу по железнодорожному ведомству. Его служебная квартира на Оренбургской железной дороге отличалась поразительным неустройством: в спальне за ночь замерзала вода в кувшине, а через стены при метелях чуть не задувало свечу. Свою работу Перцов не без основания называл каторжной: бывали недели, когда на сон оставалось не более двух часов в сутки. Инженер шел на острие прогресса и вместе с ним в российскую глубинку приходила цивилизация. Ему было присуще душевное благородство, неизменная доброта, участливость и безграничная снисходительность к человеческим слабостям. Подчиненные им восторгались: «Соединяя в себе эти душевные качества со способностями неутомимого работника, Вы сумели внести свежую струю живой энергии и человечности в ту область, где обыкновенно царит сухой, черствый форма-

³ Там же. С. 102.

⁴ Там же. С. 97.

лизм и рутина и где человек незаметно для себя нередко обрастает корой безучастия и эгоизма»⁵. Петр Николаевич работал много, напористо и самозабвенно, резонно рассчитывая, что начальство не оставит его служебное рвение без достойного вознаграждения. Он хотел получить место начальника службы движения одной из казенных железных дорог. Когда же на освободившуюся вакансию Петербургом был прислан не знакомый с местными условиями чиновник, мемуарист считал себя глубоко оскорбленным допущенной несправедливостью.

Мать воспитала в нем понятие о долге и стойком перенесении житейских невзгод. От нее же он унаследовал твердый характер, доходящую до крайности скрытность в выражениях чувств и предъявление строгих нравственных требований к себе и окружающим. Перцов подал в отставку, лишь тогда начальство всполошилось, и сам министр путей сообщения Сергей Юльевич Витте безуспешно пытался удержать его от этого шага. Но он, проявив твердость, настоял на своем: ушел с государственной службы, стал подрядчиком и занялся предпринимательством – и уже через два года ухитрился заработать 50 тысяч рублей⁶.

Перцов участвовал в строительстве свыше 1000 км стальных магистралей: Самаро-Уфимской, Уфа-Златоустовской, Екатеринбург-Челябинской, Симбирской, Тимирязево-Нижегородской, Коканд-Наманганской, Западно-Уральской и Северо-Восточной Уральской железных дорог. Далеко не все подряды были выгодными. Но инженер-путеец руководствовался не коммерческим интересом, а профессиональной гордостью специалиста своего дела. Это было ново и смело! Один из его друзей, доктор Ф.А. Гриневский, тонко заметил, что русскому интеллигенту свойственно неумение подойти к народу: «интеллигенту надо было не учить крестьянина, а пойти к нему работать с ним, и в совместной работе взаимно помогать друг другу»⁷. Именно так поступал Перцов, умеющий найти общий язык со своими работниками.

Вспомним «Железную дорогу» Некрасова, так описавшего повседневную жизнь ее строителей:

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

⁵ Там же. С. 196.

⁶ Чтобы современный читатель оценил баснословность этой суммы, укажем, что в то достославное время индейка стоила 50 копеек, гусь – 30 коп., крупный цыпленок – 10-12 коп., курица – 12-20 коп., заяц – 7 коп. Огурцы продавались по 4 копейки за сотню. За 300 рублей Петр Николаевич приобрел почти новую троичную коляску, с лаковым верхом и фартуком. Овес для лошадей обходился от 18 до 40 копеек, сено – от 7 до 20 копеек за пуд. Самые лучшие дубовые дрова стоили 40 копеек за пуд – это считалось очень дорого. Там же. С. 79, 147, 201.

⁷ Там же. С. 269.

Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божий ратники,
Мирные дети труда!

Перцов обходился со своими рабочими иначе. Да, рабочие жили в бараках-землянках, но эти бараки были сухими и высокими. Питались они в особых крытых столовых, причем подрядчик Перцов всегда обращал внимание на образцовое содержание кухонь и кладовых. «Продовольствие рабочим отпускалось всегда высокопробное. Мы прекрасно знали, что только хорошо содержимые рабочие давали максимум производительности их труда»⁸.

Хотя в те времена в деловой лексике еще отсутствовало слово «откат», о существовании «безгрешных доходов» уже было хорошо известно. Перцов принципиально избегал подобных способов быстрого обогащения, и его устоявшаяся деловая репутация была хорошо известна. Взятки ему не предлагали и взятки от него не требовали. «Репутация наша в этом отношении была столь установившейся, что никто из начальствующих и не дерзнул бы предъявить нам свои требования, зная, что они не будут удовлетворены. Ни в какие сделки по выполнению работ мы никогда ни с кем не входили. Никогда во время постройки мы не учитывали выгодность или невыгодность тех или иных работ, исполняли их по долгу совести и по законам техники. И всегда ставили во главу угла срочное, а при возможности и досрочное окончание работ, хотя бы с некоторым недополучением при этом»⁹. Перцов и его сотрудники не извлекали сверхприбыль, не стремились сорвать большой куш, получить «бешеные деньги». В такой деловой этике не было ничего экстраординарного. Качественную работу мог выполнить лишь обустроенный и сытый работник. А чуждающийся взятки подрядчик с кристально чистой деловой репутацией, отпугивая от себя аферистов и прощелыг, избегал дополнительных финансовых рисков. Честность, в конечном итоге, оказывалась выгодным делом. Деловая репутация важнее прибыли. Эта ценность не успела укорениться в России. Если бы ей удалось прижиться на рубеже XIX–XX вв., то ход отечественной, да и мировой истории был бы иной. Увы, не сбылось... Слишком мало было в Российской империи людей, подобных инженеру Перцову. Они не могли противостоять натиску тех, кто жаждал «бешеных денег».

Однако инженер богател. Миллионером он так и не стал, но уже мог позволить себе и своему многочисленному семейству дорогостоящие привычки: продолжительные заграничные путешествия, регулярный отдых на модных европейских курортах, коллекционирование произведений искусства. Он отдал дань европейской цивилизации, но

⁸ Там же. С. 272.

⁹ Там же. С. 272-273.

свое отношение к ней выразил одной фразой: «Тянуло на работы, праздная жизнь за границей, при всем ее интересе, была не по мне»¹⁰.

Перцов стал посещать отечественные художественные выставки и покупать на них понравившиеся ему картины и акварели Левитана, Репина, Малютина, Малявина, Рериха, Апполинария Васнецова, мирискусников... Свой тонкий художественный вкус, оригинальное понимание прекрасного и собственные эстетические фантазии – всё это Петр Николаевич сполна реализовал при строительстве «Дома Перцова»: «Я лично руководил всеми работами и входил во все детали постройки, целыми днями носясь по всем этажам и не оставляя без личного надзора ни одного места работ. Все работы велись одновременно... Таким образом, в одиннадцатимесячный срок были закончены решительно все работы...»¹¹. Не было отбоя от желающих снять квартиру в этом здании. «Дом-сказка» – именно так москвичи сразу же нарекли этот красивый, стильный и оригинальный доходный дом Первопрестольной. Поселился в нем и сам домовладелец, сохранив за своей большой семьей трехэтажную квартиру с отдельным входом.

В мансардах располагались мастерские художников, а в одном из подвалов «Дома Перцова» нашлось место для театра-кабаре «Летучая мышь», в представлениях и постановках которого участвовали известные актеры и режиссеры Московского художественного театра: Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, Василий Иванович Качалов, Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко.

В этом человеке энергия была через край. Он на всё находил время. На бизнес, на коллекционирование, на общественную деятельность. После Первой русской революции входил в Центральный комитет партии «октябристов», баллотировался, правда безуспешно, в Государственную Думу. К сожалению, в молодом российском парламенте оказалось слишком мало ответственных деловых людей и слишком много безответственных политических краснобаев. Но Петр Николаевич не унывал. Его можно уподобить чеховскому подполковнику Вершинину из «Трёх сестёр»: «Мне кажется, нет и не может быть такого скучного и унылого города, в котором был бы не нужен умный, образованный человек. Допустим, что среди ста тысяч населения этого города, конечно, отсталого и грубого, таких, как вы, только три. Само собою разумеется, вам не победить окружающей вас темной массы; в течение вашей жизни мало-помалу вы должны будете уступить и затеряться в сотысячной толпе, вас заглушит жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния; таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока наконец такие, как вы, не

¹⁰ Там же. С. 263.

¹¹ Там же. С. 316, 319.

станут большинством. Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец».

Перцов был олицетворением нарождавшегося гражданского общества: испытывал внутреннюю потребность бескорыстно тратить время, силы, энергию, творческие способности и собственные деньги на общественные нужды и помощь ближнему. Накануне Первой мировой войны он даже получил прозвище «Генерала Белой ромашки». День Белой ромашки (Белого цветка) – это день помощи больным туберкулезом и солидарности с больными и фтизиатрами. Он был очень популярен в России вплоть до 1917 г. Только в Москве в этот день продавали до полутора миллионов штук цветков ромашки. Доходы от продажи цветков, которые активно покупали как царские дочери, так и простые горожане, шли на помощь больным. В годы Первой мировой войны, он вновь бескорыстно занимался организацией инженерно-строительных дружин, помогавших военным инженерным частям осуществлять фортификационные работы в тылу. В 1916 г. Перцов был избран гласным Московской городской думы, где должен был заседать до 1920 г.

Но это был не его масштаб. Для обычного московского домовладельца – слишком много, для человека с талантами и деловым опытом Перцова – слишком мало. Революция разделила его жизнь на «до» и «после». Он не захотел эмигрировать, посчитав невозможным отделить собственную судьбу от судьбы Родины. Автоматически попал в разряд «бывших». В 1923 г. провел несколько месяцев в заключении за попытку спасти от конфискации ценности Храма Христа Спасителя. Был выселен из своей роскошной квартиры, оказался в коммуналке. Даже в годы НЭПа его уникальный деловой опыт и природный талант не были востребованы новой властью. Петру Николаевичу повезло, что в страшном 1937-м он умер в своей постели. Но повезло ли стране, которая – как «до», так и «после» – не сумела использовать таланты и знания этого глубоко порядочного и преданного своей родине человека?!

«И вот, переживая всё настоящее и живя в прошлом, я не могу не благодарить Создателя, что он уберег меня от самого ужасного – переживания угрызений совести и сохранил еще во мне на шестьдесят седьмом году моей жизни радость бытия и веру, что придут пусть после нас лучшие дни, когда настанет действительное равенство между людьми и нищие интересы не будут приноситься в жертву ни классам, ни партиям»¹².

В настоящее время «Дом Перцова» принадлежит МИДу.

¹² Там же. С. 523.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Перцов П.Н. Воспоминания / коммент. Д.И. Болотиной. М.: Кучково поле, 2017. (Серия «Московская библиотека») [Percov P.N. Vospominaniya / komment. D.I. Bolotinoj. M.: Kuchkovo pole, 2017. (Seriya «Moskovskaya biblioteka»)].

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; semenekshtut54@gmail.com

Petr Pertsov – a character in a footnote

Reflections upon reading the recently (2017) published “Memoirs” by P.N. Pertsov, an engineer and a builder of railways, a public figure and a collector who initiated the construction of the famous “Pertsov house” lead the author to conclusions on one should write history.

Keywords: *a background character, history of everyday life, history of business, social mobility, city development, memoirs*

Semen Ekshtut, Dr.Sc. (Philosophy), leading researcher, Institute of World History; semenekshtut54@gmail.com